

болѣе необходимо, чѣмъ въ 1806 г. Дворянство охотно жертвовало своими крѣпостными ради національной войны. Александръ былъ чрезвычайно доволенъ достигнутыми результатами, что видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Чичагову, отъ 18 іюля 1812 г.: „Послѣдствія превзошли мои ожиданія. Смоленскъ мнѣ далъ 15.000 чел., Москва—80.000, Калуга 23.000. Каждый часъ я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній“...

Въ первый округъ ополченія входили слѣдующія восемь губерній: Московская, Тверская, Ярославская, Смоленская, Калужская, Тульская, Владимірская и Рязанская, какъ самыя близкія къ театру военныхъ дѣйствій. „Поспѣшность, съ которою было составлено ополченіе 1-го округа, не позволила ни снарядить его надлежащимъ образомъ, ни дать ему достаточное военное образованіе,—говоритъ Богдановичъ, авторъ „Исторіи Отечественной войны 1812 года“.—Ратники большею частью были вооружены только пиками и рогатинами и обуты въ лапти, что заставляло употреблять ихъ почти исключительно для подавія помощи раненымъ, либо ставить въ третью ширингу пѣхоты регулярныхъ войскъ“.

Нѣкоторое военное значеніе имѣло лишь петербургское ополченіе (2-го округа), и примѣръ его служилъ прекраснымъ доказательствомъ, что при умѣлой подготовкѣ народная армія отнюдь не была мечтой. Петербургскіе ополченцы были обучены всѣмъ фронтовымъ приѣмамъ въ пять дней — и достигли такихъ результатовъ, что на присутствовавшаго при ихъ ученіи англійскаго военнаго агента они произвели впечатлѣніе настоящей арміи, „выросшей изъ земли“, но въ общемъ ходѣ войны 1812 г. значеніе этого небольшого отряда (около 13.000 чел.) было ничтожно. Какъ и въ 1806 — 7 гг., вся тяжесть борьбы легла на регулярныя войска съ нѣкоторою помощью казаковъ, про которыхъ извѣстный генераль Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ: „Никто болѣе казаковъ не разсуждаетъ объ

Маршалъ Ней.

опасности, и едва ли кто смотритъ на нее съ большимъ ужасомъ“, качество, быть-можетъ, и хорошее, но казаки, какъ извѣстно, стали опасны противнику и полезны арміи лишь съ тѣхъ поръ, когда французы были окончательно разстроены боями, холодомъ и голодомъ.

Сначала планъ кампаніи былъ разсчитанъ на наступленіе, поэтому всѣ запасныя магазины были придвинуты къ самой границѣ, что, разумѣется, осуждало ихъ на гибель въ случаѣ отступленія. Благодаря этому, армія въ теченіе всей кампаніи въ Россіи продовольствовалась исключительно средствами

исключительно средствами

боялся Наполеонъ, достигалось само собою въ большихъ размѣрахъ. Эта причина естественно вела за собою привычку къ мародерству и грабежу. Недаромъ Императоръ Александръ писалъ чрезъ двѣ недѣли послѣ начала войны, отъ 6-го іюля, Барклаю де-Толли: „Я обогналъ много бродягъ, отставшихъ отъ войскъ на цѣлый переходъ, въ самомъ отвратительномъ видѣ“.

Въ отвѣтъ на требованіе Государя прекратить эти безпорядки главнокомандующій не умѣлъ найти ничего, кромѣ стараго, давно доказаннаго безполезнаго средства—разстрѣливать всѣхъ мародеровъ и заподозрѣнныхъ въ немъ. Самъ Барклай сомнѣвался въ дѣйствительности этой мѣры, какъ то видно изъ письма его къ Императору Александру изъ Смоленска, отъ 9 августа. Во всякомъ случаѣ грабежи не прекращались; грабили и около Вильны, и около Витебска, и подъ Смоленскомъ, и подъ Москвой. Солдаты грабили подъ непосредственнымъ давленіемъ голода, а высшіе чины грабили не менѣе, но съ большимъ комфортомъ и съ меньшей опасностью. Начальникъ штаба первой арміи, генераль Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ не мало поучительныхъ случаевъ, какъ очевидецъ. Одинъ изъ опорныхъ пунктовъ при отступленіи нашей арміи на сѣверо-востокъ, прикрывавшая дорогу на Петербургъ крѣпость Динабургъ (нынѣ Двинскъ) строилась около двухъ лѣтъ, при чемъ болѣе 5.000 человекъ солдатъ погребено было при работахъ, а въ